

Нин Хуай продолжил:

— Господин Ци — действительно великодушный человек. Ты назвал его «красавицей-сестрой», а он так быстро простил тебя. В тот день, когда я видел его лицо, я боялся, что он пожалеет о том, что спас тебя, но вместо этого вы стали друзьями.

Красавица... сестра?

Лицо Лу Сяо, до этого улыбающееся, застыло, и голос его задрожал:

— Я действительно это сказал?

Нин Хуай испугался:

— Ты не помнишь?

Он подробно описал тот день, и лицо Лу Сяо менялось от удивления до смущения. Наконец он закрыл лицо руками и сквозь пальцы просочился голос, полный стыда:

— Хватит, я больше не могу смотреть людям в глаза.

Нин Хуай думал, что Лу Сяо хотя бы извинился перед Ци Цзяньсы и они помирились. Узнав правду, он с удивлением сказал:

— Господин Ци — действительно великодушный человек.

Смущение Лу Сяо не исчезло даже после того, как Нин Хуай ушел.

И это смущение было вызвано не только тем, что он назвал Ци Цзяньсы «красавицей-сестрой». Самое неприятное было в том, что Лу Сяо не считал свои слова ошибкой. Если и была ошибка, то только в слове «сестра». Изящные брови, прекрасные глаза, прямой нос и тонкие губы, а рядом с глазами, похожими на звезды, — родинка, привлекающая внимание. Если такой человек не может быть назван красавцем, то все знатные девушки, считающиеся красавицами, должны покраснеть от стыда.

Солнце село, луна взошла, и все вокруг погрузилось в тишину. Красные фонари освещали землю, превращая снег в алую дымку. В комнате стоял человек, его тень падала на пол, длинные волосы рассыпались по плечам, а поверх тонкой одежды был накинут лишь халат. С рождения он страдал от токсина, и болезнь не покидала его, оставляя лицо бледным. Но благодаря многолетним тренировкам внешне он выглядел вполне здоровым.

Но был один глупыш, который считал его слабым учителем и каждый день заботился о нем, зажигал уголь и накидывал на него плащ.

Человек горько усмехнулся, погасил свечу и закрыл глаза, думая: «Судьба играет с нами».

После Нового года они встретятся, но встретиться будет непросто.

Император Юнькан устроил пир для своих министров, и второй принц, Се Шэньсин, громко рассуждал, лстя императору, что очень его радовало. Один из министров упомянул, что через несколько месяцев второй принц достигнет совершеннолетия, и император с грустью заметил, что его сын уже взрослеет, но рядом с ним нет близкого человека. Обычно такие вопросы решались между императором и драгоценной наложницей Нин, но на этот раз они были вынесены на обсуждение министров, и никто не знал, что сказать.

Император улыбнулся:

— Не беспокойтесь, мои верные подданные. Брак принца — важное дело, и я хочу обсудить это с вами.

Первым поднялся мужчина в зеленом одеянии, сидевший в конце стола:

— Ваше Величество, я, Ли Ваньцзюнь из Астрономического управления, считаю, что это важное дело. Сначала можно поручить внутреннему двору составить список подходящих девушек из благородных семей, а затем, после проверки их гороскопов, Ваше Величество сможет принять решение.

Император, опершись на подлокотник трона, повернулся к герцогу Нину:

— Герцог, что вы думаете?

Герцог Нин тут же встал, сложив руки перед собой:

— Ваше Величество, вы, несомненно, найдете достойную пару для второго принца. Я согласен с предложением господина Ли.

— А ты, Син, что скажешь?

Император устремил пронизательный взгляд на Се Шэньсина, сохраняя улыбку.

— Я слушаюсь отца, — почтительно ответил принц. — Выбор невесты полностью зависит от вас.

— В таком случае внутренний двор начнет составлять список завтра и представит его мне через три дня.

Пир закончился, и Ци Цзяньсы, обеспокоенный, поспешил выйти из зала. Но беда не обошла его стороной — ученик Цао Фучжуна, Сяо Хуэйцзы, подбежал к нему и вежливо сказал:

— Господин Ци, подождите, пожалуйста. Его Величество зовет вас в Южный кабинет.

Ци Цзяньсы, не скрывая недовольства, последовал за Сяо Хуэйцзы.

Император, держа в руках нефритовую тушечницу, сказал:

— Цзяньсы, не волнуйся, я позвал тебя не по серьезному делу. Просто давно не видел твоего отца. Как он поживает?

Ци Цэ уже два года жаловался на болезни и не появлялся на собраниях. На самом деле он наслаждался жизнью в своем доме, играя с кошками и собаками, и оставил все дела своему взрослому сыну. Император предпочитал закрывать на это глаза, ведь легче иметь дело с двадцатилетним юнцом, чем с его отцом.

— Ваше Величество, мой отец в последнее время страдает от болей в спине и ногах, не может долго стоять.

Император подозвал его ближе, и Ци Цзяньсы развернул лист бумаги. Император взял пурпурную кисть и написал два иероглифа:

— Ты и твоя сестра получили хорошие имена.

Ци Цзяньсы почувствовал, как сердце забилось быстрее, но сдержался:

— Дедушка дал нам имена, и я благодарен за них.

Услышав о дедушке, император посмотрел на него:

— Я помню, твоей сестре в этом году исполнилось шестнадцать.

— А Цы только недавно достигла совершеннолетия, ей еще нет шестнадцати. Она очень своенравна, несколько дней ходила в школу, а потом заявила, что хочет домой, и теперь учится у матери и няньки.

Ци Цзяньсы сжал зубы, надеясь, что император поймет намек.

Император, конечно, понял его мысли, но продолжал смотреть на него:

— Третья принцесса тоже в этом возрасте.

Ци Цзяньсы опустил взгляд:

— Принцесса — драгоценная ветвь императорского дерева, образованная и воспитанная. А Цы, хотя и одного возраста с ней, не может сравниться с принцессой.

Император долго молчал, его орлиный взгляд, казалось, проникал в самую душу Ци Цзяньсы, но в конце концов он решил не мучить молодого человека. Перед тем как отпустить его, император дал Ци Цзяньсы шкатулку с черепаховым гребнем, который тот должен был передать своей сестре.

Этот гребень стал предупреждением, напоминая Ци Цзяньсы, что его сестра может стать невестой второго принца.

Дом Ци.

Госпожа Ци учила свою дочь Ци Цзяньцы вышивать, и их пальцы быстро двигались, создавая на ткани золотые пионы, которые казались живыми. Ци Цзяньцы, прижавшись к матери, услышала быстрые шаги, и в следующую минуту дверь с резьбой распахнулась.

Госпожа Ци слегка нахмурилась и мягко спросила:

— Сы?

Увидев обеспокоенное лицо Ци Цзяньсы, она поняла, что что-то случилось, и спросила:

— Сы, что произошло?

Ци Цзяньсы, обычно не любивший, когда мать называла его «Сы», сегодня не стал поправлять ее. Он достал шкатулку и сказал:

— Сегодня на пиру император заговорил о поиске невесты для второго принца, а потом вызвал меня в Южный кабинет.

Госпожа Ци замерла, и вышивка выпала из ее рук. Ци Цзяньцы, похожая на брата, но с большими глазами, полными страха, тут же спросила:

— Неужели он хочет, чтобы я стала невестой второго принца?

Другие девушки, услышав такое, вероятно, смутились бы, но его сестра, избалованная и своенравная, была скорее недовольна, чем обрадована.

Госпожа Ци, сжав в руке гребень, спросила:

— Император действительно намекнул на это?

— Не наверняка, — тихо ответил Ци Цзяньсы, — но вероятность велика.

Ци Цзяньцы, словно получив удар, села и обняла мать, с плачем сказав:

— Мама, я не хочу выходить замуж за второго принца!

Она прижалась к матери, а потом, подняв голову, умоляюще посмотрела на брата:

— Брат, придумай что-нибудь, чтобы он не выбрал меня. Пожалуйста, я боюсь, я действительно

боюсь...

<http://bllate.org/book/15439/1369299>